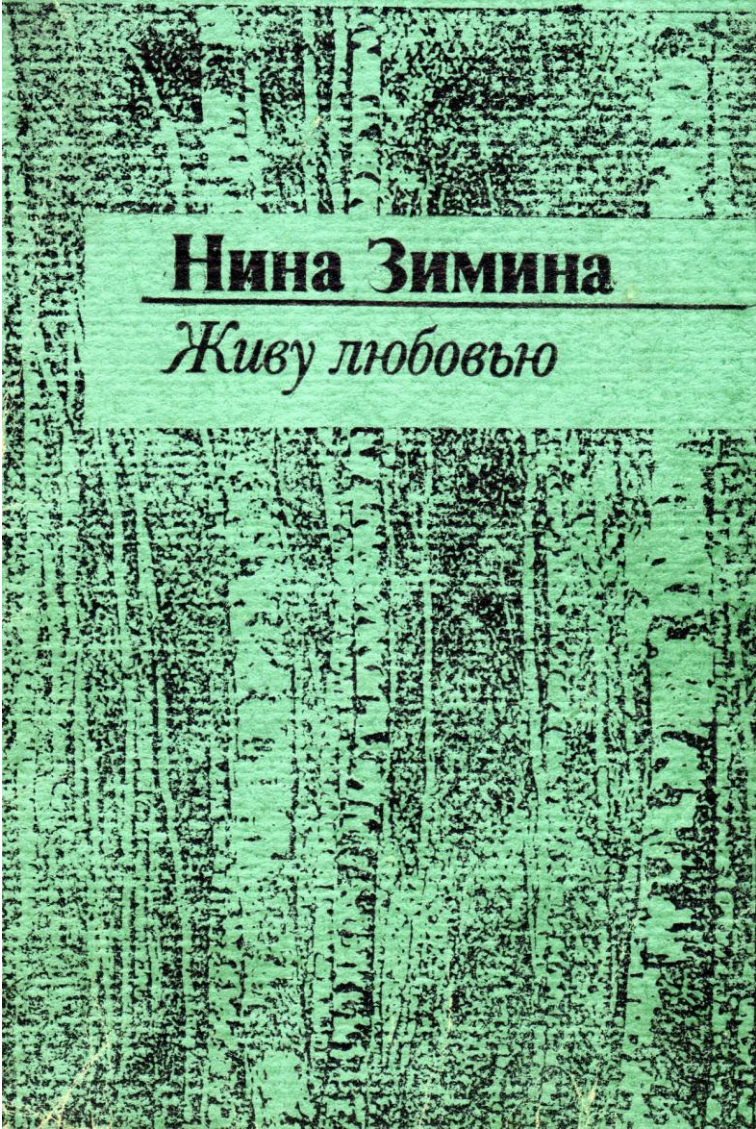

Нина Зимина

Живу любовью

- ЖИВУ ЛЮБОВЬЮ -

НИНА ЗИМИНА

ЖИВУ

Л Ю Б О В Ь Ю

Стихи

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Уфа
1991**

Нина Зими́на...

Замечательно талантливая поэтесса.

**При жизни она не получила широкой
известности. Ее имя было известно только в
родном городе Белорецке и в литературных
кругах Башкирии.**

**Но она достойна того,
чтобы о ней знала вся Россия.**

Поэтессы уже нет с нами.

**Перед вами – электронный вариант
одной из ее первых книг.**

**В своем творчестве она воспела
Любовь...**

БЕЛОРЕЦК –
НЕБРОСКИЙ САМОЦВЕТ

Гляжу в иллюминатор самолета:
Мой Белорецк, мой тихий городок
Лежит в горах, как в чаше, что сработал
Данила-мастер, красоты знаток.

Края у чаши – россыпь малахита
С раздольными овалами низин,
Что речкой Белой, будто ниткой, сшиты
В единое из разных половин.

Во времена Великого Петра
И по его светлейшему указу
Рабочий люд сюда и мастера
Пришли –
И речка оживилась сразу:
Рубили избы,
В утреннюю рань
Катилось эхо бойко за проселок.
С трудом, но расступилась глухомань,
Когда рождался заводской поселок
На берегу встревоженной реки.
Уже дышала домна там, в низине,
И на скрипучих тачках мужики
Руду для печки-прорвы подвозили.
Среди угрюмых этих мужиков,
Я знаю, был и мой далекий предок.
Теперь меж нами больше двух веков,
В себя вобравших радости и беды.

Струится речка, извиваясь резво,
Скрывая в волнах тайну слова «клад»,
С тех пор, как здесь, в горах, из руд железных
Сварили сталь, чтоб выковать булат.
Стальной булат на рынки мировые
Возил купец, не думая о том,
Что самый ценный клад – мастеровые,
Прославившие Белорецк трудом.

РЕЧКА БЕЛАЯ

Речка Белая, неспешная,
С легким ходом светлых вод,
Поднялась порою вешнею,
Разломала крепкий лед.

Лед держал ее невольницей,
Не стерпела плен она:
Льдины с гулким треском колются,
Речка Белая – вольна!

Повстречалась утром с солнышком,
Разыгралась волной:
«Здравствуй, здравствуй, воля-волюшка,
Я на «ты» теперь с тобой!»

Речка плещет светлой радостью
В милой сердцу стороне.
Семицветье спелой радуги
В каждой трепетной волне.

Ничто не разлучит меня с тобою,
Мой край в венце Уральских гор.
Шумит-поет высокий бор
Зеленым парусом над головою.

И Белая через плотину лет
Течет, как сталь по желобу, играя.
Не надо мне вовек богаче края:
Мой Белорецк – неброский самоцвет.

Зима здесь катится на снежной тройке,
Грачи весне пророчат праздник бойко,
С лукошком, полным ягод, ходит лето.
Здесь для души безмерное приволье,
Гостей всегда встречают хлебом-солью,
Слагают песни о любви поэты.

ИЮНЬ

Опять сирени половодье,
Волна вскипающих рябин,
Мой город, словно пароходик,
Вплывает в лето.
Дымный сплин
Уходит в небо голубое
Под огненное колесо.
А шум зеленого прибоя
Окатывает глубь лесов.
Веселых радуг самоцветье
В ту пору тянется с лугов,
И щедро пахнет долголетьем
Земля под бременем цветов.

СОНЕТ ХЛЕБУ

Несет в ладонях щедрая весна
Отборное зерно для новой пашни,
И станет доброй песней день вчерашний,
Днем завтрашним взойдет хлебов стена.
Что золото, что жемчуг и алмаз
В сравнение с хлебом?
Мишура и только.
Горбушка черная, присыпанная солью,
Ценилась выше золота не раз.
Взволнуется некошеное жито,
Лучами выхожено, дождиком полито,
Под песню жаворонка в голубой тиши
Пройдут комбайны под высоким небом,
И на полях начнется праздник хлеба.
Нет праздника желанней для души.

ИВАНОВ ДЕНЬ

Иван-травник – лучезарный лик!
Зажигает он денницу
На ромашковом лугу,
Запрягает в колесницу
Под цветочную дугу
Теплый ветер – и в зенит
Лихо, с посвистом летит.
Иван-травник – спелых дней родник!
Окунусь душою в спелость –
Упоительный восторг,
Обретает крылья тело
Через ярый костерок
Непредвиденных невзгод
Обозначить перелет:
Иван-травник – луговик и лесовик!
Лунной тропкой лесом здешним
В час таинственных высот
Проведи меня неспешно
Там, где папоротник цветет-
Колдовской цветок судьбы.
Ах, сорвать его кабы!

Мой старый дом с цветами в палисаде,
Ты снишься мне уже в который раз,
Бревенчатый, с подковкой на фасаде,
Прибитый прочно дедом в добрый час.

Дед свято верил в благодать от Бога.
Построил дом, любовь в нем поселил.
Родились дети – к старости подмога –
Учил трудиться, не жалея сил.

И радовался, как сыны умело
Косили травы, ставили стога,
Справляли славно пахотное дело,
Судьбу без страха брали за рога.

Пилить, строгать умели, по металлу
Считались мастерами хоть куда.
Родиться на земле – для счастья мало.
Какое счастье – если без труда.

Я с дедом по рассказам лишь знакома,
Но помню наизусть его завет...
А ту подковку на фасаде дома,
Как мне сказали, выковал сам дед.

БАЛЛАДА ОБ ИМЕНИ

Семейный праздник – значит, званый ужин.
Воспоминаньям, песням нет конца.
Родился мальчик, первенец к тому же,
В мать – красотой, а силою – в отца.

Отец доволен, но и озадачен:
Каким же сына именем наречь,
Чтоб знал он цену счастью и удачам,
Умел держать в руках и серп, и меч.

Имен так много разных и хороших.
Из-за стола поднялся круто дед,
И гости сразу радостно – в ладоши:
Велик у деда тут авторитет.

– Оно, конечно, имя значит много,
Но иногда случается и так –
Зовут красиво, а идет не в ногу,
Все норовит куда-то за большак,

А у другого имя и не звучно,
Но сам – струна: чуть тронь и зазвенит.
Хотите, так поведаю вам случай,
Он в памяти, как дратвою прошит.

Вы знаете, как партизанским маршем
Мы под началом Блюхера пошли
Через Урал. И был в отряде нашем
Парнишка, два вершочка от земли.

Пострел пострелом. Все на побегушках:
«Эй, Ванька! Подь сюда! Иди туда!» –
А он все там, где пулемет да пушка,
Стрелять учился – в точку попадал.

Мы отходили августовской ранью.
За речкой Нурой, где намечен брод,
Стояли насмерть добровольцы-парни,
Надежно прикрывая наш отход.

Казачьи сабли, будто сотни молний,
Кромсая землю, целились вослед.
Но если душу вам отвага полнит,
То для врага вперед дороги нет.

Среди парней остался и Ванюшка –
Отговорить такого нелегко –
Старательно снаряды слал из пушки
В клубящуюся прорву беляков.

Бой шел к концу, но, несмотря на раны,
Он все стрелял, стрелял, пока не сник.
Был просто Ванька, а погиб Иваном,
Годами – мальчик, сердцем – большевик.

Вот вам и сказ о пареньке простецком,
Об имени, что для меня, как свет! –
И, распрямившись вдруг по-молодецки,
Взял правнука из колыбели дед.

Стол зашумел. И всяк без назиданья
Пустился в свой бесхитростный рассказ,
Воспоминанье за воспоминаньем,
С живинкою и вовсе без прикрас.

У многих вышло так, что оказались
Друзья – Иваны, родины сыны,
Одни еще в гражданскую сражались,
Другие с этой не пришли войны.

В воспоминаньях ожили герои,
Явились в гости к молодой семье,
В качалке перед их бессмертным строем
Лежит защитник мира на Земле –

Ему придется в двадцать первом веке
Дерзать и строить, чтоб во всех веках
Цвели сады, текли спокойно реки,
Игрались свадьбы-звенья на берегах.

Так пусть растет, силенок набираясь,
Грядущего счастливый капитан.
Отец сказал, довольно улыбаясь:
– Ну, что ж! Иван?
Пускай растет Иван!

ЧАЙ

Чай с медовой карамелью,
Самовара говорок.
Чуть пришептывая, трелью
В чашки льется кипяток,

Добавляется при этом
Из заварника янтарь. .
Знают бабушки секреты,
Как заваривали встарь,

Чтобы сердце ровно билось,
Не кружилась голова,
Чтоб трудилось и любилось,
Кстати разная трава:

Первоцвет красы-душицы,
Золотистый зверобой,
Горстка ранней медуницы,
Ландыш белый, заревой.

Не настой, а просто чудо.
В нем шиповника плоды
От простуды, от причуды,
От любой другой беды.

Собираются соседки
Посидеть чайку попить,
Завести любовь-беседу
И тайком слезу пролить.

Не на зависть – доля каждой.
Распроклятая война –
Тяжела ее поклажа,
Глубока ее вина.

Вспоминают, сидя кругом,
Те далекие года,
Любование с милым другом
И прощанье... навсегда.

Как потом в упряжке вдовой
В жизнь везли семейный воз,
А рубахи пахли солью
И от пота, и от слез.

Хлеб растили да косили
И шутили между тем:
Чай не пьешь – какая сила?
Нету силушки совсем.

Берегли детей – отраду,
Сладость горькую одну,
Поросль сгубленного сада
В ту проклятую войну...

Годы-мельницы смололи,
Перетерли в жерновах
Много горя, много боли.
След помола в волосах.

Пьют подолгу чай бабуся,
Ароматный, золотой.
Карамельки чуть откусят
И опять наперебой

Вспоминают, вспоминают.
Все ли вспомнить до конца!
Чай по чашкам разливают
С терпким духом чабреца.

НА ПОКОСЕ

Трава по пояс. Шелковая зелень
Ложится под косою в строгий ряд.
В мальчишеском, уже упругом теле
Поет усталость на особый лад.

От непривычки жжет огнем ладони.
Уходит вбок косьбы щербатый край,
А дед уже другой ряд гонит:
«Внучок, не мешкай! Пятки подбирай!»

А травы пахнут медом и росою.
Упасть бы под березами в тени,
Раскинуть руки на траве в покое.
А дед опять: «А ну-ка, не ленись!

Давай, внучок! Не шатко и не валко!
Коса легка. Держи ее в руках!»
Трава ложится изумрудным валом
Под серебро косы. И – снова взмах...

Присядет дед под вечер у березы,
В руках цветок пахучий разомнет,
Подумает и вместо папиросы
Тугую козью ножку завернет.

Соорудит шалашик для ночевки
И разведет попутно костерок.
А рано утром с дедовской сноровкой
Легко пройдет по лугу внучок.

И запоеет коса. И в травах росных
Запляшут солнца первые лучи...
Так, набираясь силы на покосах,
Мальчишки превращаются в мужчин.

ВОЛЬНЫЕ ОКТАВЫ

Отечество – зеленый край древесный:
Содружество берез дубов и сосен.
Грибные россыпи почти под осень,
Ромашковая грусть средь радужных цветов,
И незабудок светлая окрестность.
Разлив лугов с хмельным жужжаньем пчел.
Дух земляничный, словно корвалол,
Порвавшему крепь городских оков.

Он выберет на жительство селенье
С названьем от языческих времен,
Когда светлейшим идиолом племен
Славянских вышла дева КАГА:
Коса – ветвей березовых сплетенье,
Осина трепетная – тонкий стан ее.
И поклонялись ей со всех краев
Святая простота, сердец отвага.

Из дуба крепкого был возведен АВЗЯН –
Защитник благоверный и наставник.
По праву рученьку его Перун поставил
От КАГИ – раскрасавицы лесной.
По леву рученьку – из лиственниц УЗЯН
Достоинно стережет ее пределы.
Река их повязала лентой Белой
Навек, на крепь, на добрый мир святой.

РЫЖАЯ ЛИСА

Осень – рыжая лиса
Рыщет по задворкам,
Забирается в леса
И румянит горки.

Машет огненным хвостом,
Обжигая травы. И
Золотым горят костром
Рощи и дубравы.

На ветру огонь-краса
Плещется устало.
Осень – рыжая лиса
Бродит по Уралу.

РОССИЯ - КРАЙ БЕРЕЗОВОГО СВЕТА

РОССИЯ

Я – россиянка.
Гордость,
Радость,
Нежность,
Восторг и солнце
В имени моем.
Россия — это вольность и безбрежье,
Высокий лучезарный окоем.

Россия – край березового света,
Край соловьиных в сто колен рулад.
В венке цветов здесь созревает лето,
Идя в сентябрь – свой золотой закат.

Здесь катят реки голубые воды,
Перебирая стебли камыша.
Порой сурова красота природы,
Но и проста, как русская душа.

И я люблю ее степей раздолье,
Люблю могучий и радушный лес.
Вот почему стучится в сердце болью
Густая грусть рахманиновских пьес.

Понятна мне его любовь-страданье
К чете берез, к тиши ржаных полей.
Мы грезим этим в странах чужедальных:
Чем дальше от России, тем сильнее.

ХЛЕБОСОЛЬСТВО

Деревянные ложки с узором
Да миски из глины,
Хлеб, душистый, ржаной,
На расшитом лежит рушнике.
Пескариный навар
По традиции кухни старинной
Жарко дышит уже
Посредине стола в чугушке.

Разносолы с укропом,
С чесночной приправой,
По-русски
Поперченное щедро
Рябит пескарей серебро.
У хозяйки хлопочущей
Быстрые, ловкие руки,
От радужных движений
Как будто исходит добро.

Побасенкой да шуткой
Завязана крепко беседа.
Веселынь за столом.
В пору песне по кругу расти.
Что ж такого?
Сосед угощает на славу соседа.
Так в России велось
И ведется
И будет вестись,
Как бы жизнь ни крутила,
Что б с нами в дальнейшем ни случилось.
И сама я не раз
За таким вот столом угощала.

СВЯТКИ

Раскрутил январь снега,
Раздразнил ночную вьюгу,
Взвил сугробы, как стога,
Под серебряной кольчугой
Спрятал месяца рога.
На суровый облик свой
Нахлобучил маску смеха.
От окна к окну гурьбой –
Святки, добрая потеха,
Рожи чудищ – не разбой.
В эти святкины недели
Дева не прядет кудели,
Не вдевает нить в иглу –
Чтоб светло жилось сынку
Или дочке – все едино.
Чтоб приплод несла скотина –
В кузнях обручей не гнут
И полозий не куют.
В эти святкины недели
Волю празднует безделье.
И вертеп – как на заказ,
Не забава, представление
Сына Божьего Рожденья,
Прославление – первый сказ,
А второй – в миру крещение...
За окном снегов кипенье –
Первозданность, очищение.
Тает в небе без следа
Иорданская звезда,
А в душе – ее свечение.

МАСЛЕНИЦА

Легенда

1.

В дальнем лесе на пригорке,
Где играют в прятки зорьки
Между сосен вековых,
Няnek – мамушек седых,
Во еловом теремочке
Дед Мороз лелеял дочку -
Баловницу-чаровницу.
На проказы мастерицу.
Она сыплет из окошка
Смеха жаркие горошки –
И сияют небеса,
Просыпается весна
Средь сугробов на перинах,
Снежный занавес откинув.

2.

А у леса под горой
Жил народ на вид смурной –
Неулыбы, неуживы,
Зимней ночи старожилы.
Их томила скукота,
Изводила лихота,
С ног валила немочь-сонь.
Затухал в печах огонь,
Замерзали щи и каша,
Смерть казалась жизни краше.
Пожалел Мороз людей,
Свистнул солнечных коней:
Дочку чтобы баловницу,
Веселицу, чаровницу,

На проказы мастерицу
Покатали под горой
На кошевке расписной.

3.

В непогожий снежный день
Бубенцы – звень да позвень! –
У околицы всплеснулись,
Высыпали из ворот.
Гостью каждый в дом зовет,
Раздувает самовар.
На загнетке дышит жар.
Тесто пышится на масле.
Солнце вышло из-за пряслиц.
До Великого поста
Впереди – в шесть дней верста.
ПОНЕДЕЛЬНИК – ВСТРЕЧА: гостье
Горку блинчиков подносят,
Чтоб умаслить пылкий нрав
Для зачина всех забав.
ВТОРНИК – ЗАИГРЫШ веселый:
Покатались за проселок
Тройки солнечных коней –
Вихрем снег из-под саней! –
На коленях у парней
Девки жаркие хохочут,
СРЕДУ – ЛАКОМКУ пророчат.
Закрутилось каруселью
Тут веселье, там веселье.
Во ШИРОКИЙ во ЧЕТВЕРГ
В окнах свет всю ночь не мерк.
Веселынь катилась с горки
Прямо в ТЕЩИНЫ ВЕЧЕРКИ
ПЯТНИЦЫ – соратницы

Радостной СУББОТЫ:
На гармонике игра,
Песни-басни до утра –
Вот ее заботы.
У ЗОЛОВКИ ПОСИДЕЛКИ –
Одинаковы безделки,
Семечки – конфеты,
О любви секреты,
Завлечение – кадриль –
Каблуки взбивают пыль,
Распались ухажеры –
Своротить готовы горы.
Девки – тоже им под стать –
До зари легки плясать...

4.

Прокатались – пролетели
Зори масленой недели –
Разудалой и честной,
Породнившейся с Весной.
На границе встреч весенних –
ДЕНЬ ПРОЩЕНЫЙ – ВОСКРЕСЕНЬЕ.
Безобидный ЦЕЛОВНИК
В губы, в маков цвет ланит:
Прочь из сердца тень – досада,
А из дома – дух разлада!
Да взойдут во все лета
Благость, щедрость, доброта!
Прощай – прости, Масленица,
Чаровница, веселица,
На проказы мастерица!
Приходи к нам без забот
В эту пору каждый год!
Прощай – прости, Масленица!

ПОЖЕЛАНИЕ БЛИЖНЕМУ

Мир разломился несоединимо:
Стена глухая и живой простор,
Один товарищ обретает имя,
Другой забвенье – горше, чем позор,

А черные глаза суровой бездны
Буравят душу, источая боль.
Но в стылый дом дитя вбегает резво –
Считаться с непредвиденным изволь.

Не отрицай надежду, как явление,
Ниспосланное наконец судьбой.
Пусть будет нынче праздник обновленья
Души, пусть будет праздник твой.

А имя – звук, волнующий природу,
Взлетит, как эхо, и угаснет вновь,
Вне времени поистине свободна
Одна лишь бескорыстная любовь.

Она соединяет слово с делом,
В ней вечности таится благодать.
Люби, чтобы земля не оскудела,
Чтоб в женщине торжествовала мать,

Люби детей – грядущий день России,
И стариков, чья близится черта, –
Ты обретешь достоинство и силу,
Глухие стены обретут врата.

НАКАЗ

Далекий путь – нелегкий путь.
Отдав поклон, поцеловал сын на прощанье мать:
«Скажи, родная матушка, что мне в дорогу взять?»

«Далекий путь – тернистый путь.
Подкуй коня, возьми овса, корми коня овсом -
Он понесет тебя вперед, не тронутый хлыстом.

Далекий путь – безвестный путь.
О доброте не позабудь, всего нужней она –
И не захлопнут пред тобой ни двери, ни окна.

Далекий путь – опасный путь.
Но дома ты оставь ружье, на гвоздь повесь клинок –
И не придется мне тебя, оплакивать, сынок».

Обратный путь – счастливый путь...

Тихой странницей, послушницей
Солнца, ветра и дождя,
Я пойду по летней улице
Вдоль России, не кружа
По околицам безверия,
По задворкам суеты.
Я легко идти намерена,
Где немятые цветы,
Где трава еще не кошена
Ни грозою, ни косой,
Где недобрыми подошвами
Не умят покров земной
И лежат поля ухожены.
Жаворонка легкий звон
Мне навевает дни погожие,
Прибыль блага – не урон.
Неужель судьбой обещано? -
Возвернусь, наплачусь всласть:
Жаворонок – пташка певчая
На Руси перевелась.

ЧУДО РУССКОЙ СТОРОНЫ

Балалайка – в три струны,
Как распяты вдоль стены
Новой доли, русской боли,
Удали и робости,
Скромности и гордости,
Песни беспечальной,
Радости венчальной.
Балалаечник на лавке
Свесил руки, как в удавке,
И сидит пьяней вина,
Не испытать беды до дна.
Балалаечник, очнись!
Вдарь по струнам сверху вниз -
Рассыпь веселинку,
Поразвей грустинку,
Собери честной народ
Во единый хоровод,
Раззадорь все три струны,
Чудо русской стороны.
Вечная, исконная,
Песня неоскомная -
Боль и радость, в чудо вера.
Вдарь по струнам для примера
С перебором сверху вниз!
Балалаечник, очнись...

ЖИЗНЬЮ ПРАВИТ НАДЕЖДА

СОТВОРЕНИЕ

*«Разумность – прежде созданий Господних»
(VIII притча Соломона)*

Разумность – прежде бытия Земли.
Создатель Мира – Мудрости послушник:
И море не захлестывает суши,
И человеке – не хитрей змеи,
И дерева – не для укора травам,
И луговой цветок – не для потравы,
И свет – чтобы рассеять призрак-тень,
И ночь – чтобы восстал из мрака день.

Творец Земли – Разумности послушник,
Когда над твердью небо возводил,
По лику бездны круг провел, не руша
Безбрежности, чтоб не ломали крыл
Ни ангелы, ни птицы. Вольным – воля,
И Небу и Земле – едина доля:
Держава благоденствия людей,
Ты, человеке, ею сам владей!
Но не учел Разумности послушник,
Что человеке во грехе слабак
И дьяволу продать способен душу
В базарный день за ломаный медяк...

ВОСХОЖДЕНИЕ

Ступенька – детство, ступенька – юность, –
Еще фигуре чужда сутулость,
Еще равны все в вопросах счастья,
Еще не давит на ум начальство,
Еще нет нужных, еще нет лишних,
Ступени – выше, ступени – ниже.
Когда же юность за перевалом,
Ступень бывает и пьедесталом:
Венок лавровый – на лоб высокий,
На лобик узкий – пучок осоки, –
По Сеньке шапка, как говорится.
Один гордится, другой стыдится.
Куда спокойней быть в середине,
Пятном неброским во всей картине:
Не мает совесть, не гложет зависть,
На что способен, то и досталось.
Ступенька – выше, ступенька – ниже.
Кто в жизни нужный, а кто в ней лишний,
Кто самый главный, а кто лишь средний,
Судить виднее уже с последней,
С той роковой, золотой ступени.

Я пушу свое колечко по юдоли вековой,
По ступенькам крутобоким, сквозь замочную печать,
И при солнце, и при звездах, даже там, где тлеют свечи,
В беспокойном людном мире человека поискать.
Духа юного томленье, смех призывный, сладость пенья
И безудержность желаний, –
маску ханжескую прочь! –
Взоры пылки, губы жарки, –
это дразнит искушенье
И бесстыдно увлекает в наплывающую ночь.
Схлынет душной ночи одурь в час рассветного озноба,
И протрет глаза Сомненье непорочною рукой.
Исступление – от беса, дар прозрения – от Бога.
На исходе каждой бури – утешающий покой.
Очи долу – покаянье. Руки к небу – искупленье.
Убеленный, упрежденный светлой мудростью старик
Перед светом, перед тьмою,
пред собою – на коленях:
Путь конечный – даль без края или, может быть, тупик.
Эй, откликнись, человеке! – беспорочный и сердечный,
Глянь открыто, не пытая мои жадные глаза...
Укатилось, не вернулось безответное колечко,
Виновато вслед блеснула старикивская слеза.

ЭХО ГЛАСНОСТИ

Думы, вы думы...
Вопросы мучительны.
Где подходящий ответ? –
Как же случилось, что идола чтили мы
Сорок без малого лет.
Хлопали дружно в ладони и весело
Слали приветы с трибун.
А в это время за дальними весями
Волки прокрались в табун.
Стадо металось.
А волки матерые
Рвали хребты вожакам.
Красное время.
Время, которое
Черным представили нам.
Где же пастушьи глаза?
Аль не видели
Эту лихую беду?
Вместо ружьям пастухам, видно, выдали
Будто бы на смех дуду.
Сладко они свиристели, заученно
Там у подножья горы.
Ну а теперь, видно, совесть замучила:
Точат, острят топоры,
Целятся в прошлый день.
Раня день нынешний.
Раны кому бинтовать?
Где идеалы? Ликуют барышники.
Выдержать как? Устоять?
Волки в урманах еще не повывелись.
Воют порою взахлеб.
Эй, пастухи!
Где же меткие выстрелы
В серый озлобленный лоб?

Правда, Матушка Правда! К тебе испокон
Устремлялись искатели. Все – на поклон.

Но ведет к тебе столько условных дорог,
И далек, и высок твой желанный порог.

Говорят, у тебя два несхожих лица,
Два венца, два кольца, поясок в два конца.

Если ловок истец и проворна рука,
Если верный ухватит конец пояса,

Чтобы узел на нем развязать непростой,
Он добудет себе твой венец золотой.

А другому достанется черный, – тюхтя
Тот другой иль доверчивый, словно дитя.

А случилось: кольцо за кольцо – кандалы.
Ты слыхала суровую песнь Колымы.

Говорят, ты страдала, как и мы все.
Мяли, били тебя, твой топтали посев.

И не раз ты сдавалась на милость врагам,
И недобрым и добрым молилась богам

За сынов и за пасынков. Как различить,
Кто есть кто? – чтобы вновь справедливою слыть

Каждый жаждет добыть справедливость свою
Тихой сапой, ползком иль в открытом бою.

Бойся, Правда, тихони, приветствуй бойца,
Не жалея для него золотого кольца.

Чти наивных, доверчивых. Может, они
Тебе больше горластых, орластых сродни.

Правда, Матушка Правда! Молю: сделай так,
Чтобы стала дорога к тебе коротка.

И не бойся – откройся. Двулика? – так что ж!
Неужели второе лицо твоё – ложь?

ВЕЧНОЕ КОЛЕСО

Крутится, крутится колесо,
Скорости не сбавляя,
На хрупком стержне двух полюсов –
Мира детей и мира отцов,
Кому-то из них потрафляя.

Крутится в мире высоких персон
И тех, кто на голову ниже,
Кто безголосый среди голосов,
С седой бородой иль еще без усов,
Судьбой вознесен – обижен.

В центре вращения – свадьбы-пиры,
Веселье сменяется тризной.
Сладко начало. Страшен обрыв.
Свято желанье не падать с горы –
Пика изменчивой жизни.

Но постоянны в основе своей
Светлое чувство и разум,
Добрая воля и смелость идей,
Движущих разные судьбы людей
Силой любви – не приказа.

Пусть и не схожи во многом круги:
Жизнь – развлечение,
Жизнь – увлечение.
Жизнь – для себя,
Жизнь – для других,
Точка в итоге стремлений благих –
Новое поколение.

Крутится, крутится колесо
Жизненной колесницы.
Кто нынче за, а кто против отцов? —
Так ли уж важен подсчет голосов.
Главное — чтоб не мириться
Вновь с переломленной спицей.

Крутится вечное колесо...

ЖИЗНЬЮ ПРАВИТ НАДЕЖДА

Я хочу нынче в сказку,
Где Добрые феи
Укрощают любую беду,
Лечат смехом нарывы души лицедеи,
Лиходеи же держат топор на виду.
А смертельные раны водой животворной
Окропляют – красуйся опять.
И намешано белое с аспидно-черным,
Что водой не разлить и ножом не раззять.
Я хочу нынче в сказку.
О, как надоели
Эти черные крылья беды надо мной.
Голова распухает с чужого похмелья,
И страшит, как чума, поголовный запой.
Нелегко разобрать в исступленной толкучке,
Что – глагол правоты, а что – ересь и вздор,
Неизбежность толпы или каверзный случай
Виноваты, что вновь на дорогах затор:
Поработай локтями, коль хочешь пробиться,
Не умеешь, не можешь – пеняй на себя.
Под колеса попала залетная птица,
А быть может, сама добродетель судьба,
Я хочу нынче в сказку.
Алан принародно
Колдовал над водой, осеняя крестом.
Оказалось, вода непригодна,
Чтоб остывшую душу наполнить теплом
Да опрыскать ей раны, дымящие кровью.
Может, кто-то и где-то прозрел иль воскрес –
Слава Богу. Мир вечен любовью.
Кроме чуда любви, я не знаю чудес.

Пусть предтечей любви вышел к нам Кашпировский,
Начиная спасительный телесеанс.
Жизнью правит Надежда – царица в обносках
Горя, боли, страдания. Спасительный шанс
Заключен в ее действе: чет или же нечет.
Может, сказка и впрямь превращается в быль.
Кто же нынче на счастье монету мне мечет,
Золотую пускает в глаза мои пыль?
Очень хочется в сказку...

ИЗВЕРИВШЕМУСЯ В ЖИЗНИ

Небо – черное, солнце – черное,
Из-под ног уплывает земля,
Заколдобило тропки торные –
Ни назад, ни вперед нельзя.

Ни родных не жаль, ни товарищей.
Кто-то предал – предатели все.
Ты один стоишь на пожарище,
На решающей полосе.

Шаг один до свободы-пропасти.
Шаг один... погоди!.. Постой!
Пусть беда под свои же лопасти
Буйной сунется головой.

Перемелется все, перерубится,
Зарубцуются. погоди!
Вновь иди по назначенной улице,
Веря: лучшее – впереди.

ФЛЮГЕР

«Откуда ветер дует? –
Скажи мне флюгерок, –
На радость на беду ли
Пронзающий поток
Уже гремит по крыше
И рвется в окна, в дверь?
Где уголок затишья,
Чтоб только без потерь?»
«Ах, право, ты чудачка,
Наивен твой вопрос.
Простейшая задачка –
Держать по ветру нос.
И будет все в ажуре.
К чему наперекор?
Я век прожил вдоль бури
И верток до сих пор!»

ДАЙ ДОТРОНУТЬСЯ ДО ТЕБЯ, УДАЧА!

Золотое перо – не мое.
Никогда не слыла я жар-птицей,
А всего лишь – веселой синицей,
 Что бесхитростно песни поет,
Когда день начинается новый.
Не гонялись за мной птицеловы,
 И не зарилось дурачье.
Мелковата, на вид неказиста,
Не люблю подголосков со свистом,
 Славлю вольное птичье житье!
Песнь – желанье мое и веленье.
Пусть как прежде в цене оперенье...
Золотое перо – не мое.

МОЛИТВА

Вскину руки к небу: помоги,
Образумь и обнадежь, восполни
Жизнь, где перечеркнуты круги
Яростными росчерками молний.
Видно, под карающим крестом
Выпало на свет мне появиться.
Припадаю к счастью жадным ртом, –
Может быть, удастся причаститься.
Верю: есть за черною чертой
Хрупкая полосочка просвятыя.
Часики на ленте голубой
Стягивают ждущее запястье.
Сто ударов в шестьдесят секунд -
Ах, как велико мое желанье!
Но часы уж скоро истекут.
Небо немо.
Тягостно молчанье.

Жаль: я ничуть не Маргарита
И Воланд мне – не сват, не брат,
И я не знаю, где сокрыта
Нить обретений и утрат,

Чьи благотворные старанья
И кто тому наперекор –
Как будто в голубином стане
Завелся кровожадный вор:

Была жива душа-голуба –
И вот лишь перышки летят.
Бескровно сомкнутые губы
Молитву тихую творят.

А когти все больней, все цепче
Впиваются в живую плоть.
Куражатся сегодня черти,
И богу их не побороть.

Молитва гаснет – не пробиться
Туда, где тишь и благодать.
О, как за душу заступиться?
Быть может, проще ведьмой стать?!

Дай дотронусь до тебя, удача! –
Холодна ты или горяча?
Почему одних ласкаешь алчно,
А других сечешь ты без меча?
И летят надежды, будто с плахи
Головы невинных. Как же так?
Иль один рождается в рубахе,
А другой – поистине голяк?
Почему любовь твоя незряча
И не равнозначна – почему?
Дай дотронусь до тебя, удача,
Может быть, себя чуть-чуть пойму.

ПЕРЕПРАВА

Вздымая снег с дорог и горных троп,
Метет метель, прессует снег в сугроб.
А мне бы к солнцу, в луговые травы,
К костру радушных дачных вечеров.
Где отыскать такую переправу,
Чтоб от зимы – да в майский хмель садов,
Чтоб от беды – да на счастливый берег,
В надежное благополучье дней,
От ссоры – к миру, от безверья – к вере,
В отзывчивую искренность людей,
Не мучимых тщетой мишурной славы,
От зла – к порогу света и добра?..
Не родились пока что мастера,
Чтоб выстроить мне чудо-переправу.
Метет метель, куражится с утра.

Я доверяю. В ответ мне – обман.
Словно бельчонку под ноги капкан.
Глазки бельчонка – две бусинки крови.
Тот ли в удаче, кто слабого ловит?
Я призываю в глухой темноте –
Друг оказался на дальней версте.
Полно! Да был ли обманщик мне другом?
Мертвый бельчонок иль только испуган?
Ожил – пушистой маячит трубой.
Небо, сурово ты правишь судьбой.
Мне ль отдавать, не взыскав долги?
Обречены на провалы круги
В том колесе, называемом «жизнь».
Милый бельчонок, ну, что ты дрожишь?..

НАСТРОЕНИЕ

Море желтого ветра –
Ни вперед, ни назад.
«Преставление света!» –
Старики говорят.
Ржавь въедается в небо,
Дали в рыжих вихрах,
До смешного нелепо
Разрастается страх
Потерять в этом мире
Представление свое.
Трехпудовою гирей
Возраст страхи кует.
Сердце ухает гулко.
До чего ж я слаба! –
Лист опавший коснулся
Воспаленного лба,
И всего-то... Всего-то
Ведь – не ржавь... Позолота.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «ЧЕРНОГО ВОРОНА»

*«Ты не вейся, черный ворон»
(Из народной песни).*

Снег растет молочной пеной,
Вязнет свет в стерильной мгле.
В чистоте благословенной
Тайна жизни мнится мне.

Тишина. Услышать можно
Шепот вечности мирской.
Что ж ты, ворон, – рожь по коже, –
Каркаешь над головой?

Дам тебе я хлебных зерен,
Для гнезда – соломы пук,
Не черти крылами, ворон,
Надо мною черный круг,

Не пророчь, шальная птица,
Мертвый день, взаллеб крича, –
Я хочу еще умыться
Из весеннего ручья.

Я БАЛАНСИРУЮ НА ПРОВОДЕ

Представьте – вам уже смешно? –
Я балансирую на проводе,
А по нему струится ток,
Распущен по ветру платок –
Мое крыло. Еще чуток... –
И вдруг крыло свело на холоде.
А вам по-прежнему смешно?
Зеваки – скопище пугливое:
И мудрецы, и простаки,
И дураки, и чудаки,
Но не подаст никто руки.
Они-то – нет. А вы? Смогли бы вы?
Подумать только – как смешно.

Как устарело милосердие.
Пускай болит, пускай горит –
У всех отсутствующий вид,
На сопричастие лимит.
Замкнется ток – и в лапах смерти я.
Смеяться, может быть, грешно?

Ищу законы равновесия.
Вдруг из толпы один чужак
Под провод бросил свой пиджак
И крикнул: «Прыгай! Так-растак!»
И руки протянул мне весело.
А вам до коликов смешно.

Но это, в общем-то, простительно.
Разомкнут мой проблемный круг.
Я на земле. Прошел испуг.
А тот чужак теперь мой друг,
Мой укротитель и спаситель мой.
А вам завидно? Не смешно?

Где фантастика? Где реальность? –
Голубых надежд проводник
Оживает божок деревянный –
Сердце, стукавшее в тупик.

Беспокойный мирок законный
Распахнулся, как зев ворот.
Ты и я пока не знакомы,
Но сближение уже идет.

Приоткрылась даль нашей встречи,
Словно мудрость линии лба,
Что проводит судьбы предтеча.
Иль сама особа-судьба

Собирает в пучок биотоки –
Намагнитив наши поля,
Сокращает живые сроки
Ожидания до нуля.

Встреча выстрадана. Желанье
Слить пути во единый путь
Было вычислено заранее –
Не попятиться, не свернуть.

Где фантастика? Где реальность?
Ты и я. Но легко ли вдвоем?
Разгорелся божок деревянный,
Душу радующий огнем.

БОЛЬ – ЛЮБОВЬ – ЕДИНЫЙ РЯД **РАДУГИ ЗЕМНОЙ**

Хрустят рубли – поет душа:
Все, что хочу, куплю.
Но все ль, подумай не спеша,
Подчинено рублю?

Пусть купишь дом ты на торгах,
Высок и всем пригож.
Расставишь мебель на коврах,
Светильники зажжешь.

На середину из угла
Стол выдвинешь скорей.
Но кто же сядет вокруг стола? –
Не купишь ведь друзей.

Растопишь печку ты потом:
Любовью не согрет,
Покажется холодным дом.
Любовь не купишь, нет.

А деньги – что? Карман, прожгут,
Медь зазвенит на дне.
Без них и жили, и живут
Счастливые вполне.

Но без друзей, но без любви
Попробуй – проживи.

С времен Адама так заведено:
Мужчине – пашню, женщине – очаг.
Сцепляло время за звеном звено,
День завтрашний держало на плечах.

Живилось поле соками весны.
Дышал, как солнце, на ладони хлеб,
Отцов сменяли за сохой сыны,
Род человеческий разрастался, креп.

Крутила пряжа-жизнь веретено,
Связуя общей нитью каждый круг.
Случалось – прело в борозде зерно,
Врагом, случалось, становился друг.

Вверяя женам пашню и очаг,
Мужи вздымали грозные мечи.
И догорала свечка, за пятак
Поставленная на помин души.

Но солнце не меняло путь земной,
Не оставалась пашня без зерна.
Всему была ответной головой
Хранительница рода – мать, жена.

Сегодня мир намного усложнен:
Компьютер выверяет каждый шаг.
Но так же полагаются на жен
Мужчины, доверяя им очаг.

Ах, рыцари! – Серебряные латы,
Горячий конь и острое копье.
Густым багрянцем полнились закаты,
Когда вонзалось в сердце острие
Обиды иль навета,
И расплата
За честь была как доблесть.
Свято
Любовь хранила таинство свое.
Благословенна чистота ее.
Ах, рыцари!
Минули времена
Былых сражений за сердца красавиц,
В их честь высоких и веселых здравиц,
И женщина в любви теперь вольна...
Но хочется почувствовать порой
Щит рыцаря за зябнущей спиной.

МОЛОДИЦА

Ясногуба, крутоброва, круглолица,
А глаза – как васильки на белом ситце, –
Красота.
Умывается водою из криницы,
Где играют знойно-жгучие зарницы
Неспроста.
Не затем ли грудь волнуется, теснится
И любовь, как песня сладкая, таится
На устах.
Отпусти на волю песню, молодица,
А то минет срок, и в сердце поселится
Пустота.

Барыня-сударыня! –
Бусы милым дарены,
Сине полымя – глаза,
В узел стянута коса,
Круглый вещий говорок
Да веселый каблучок
Половицы дробью жжет –
Много радостных хлопот.
Мужем барыня красна,
Сыном, дочкою ясна,
И желанна, и добра,
Словно солнышко с утра.
У нее колечко есть –
Красота, Любовь и Честь.
А укатится колечко,
Прыснув с чистого крылечка,
В людном мире сгинет след –
Опустеет в окнах свет.
Ах, ты барыня – растяпа,
Дорога теперь расплата.
Ах, сударыня – ворона,
То колечко – что корона,
Крепь счастливого венца.
Не теряй того кольца!

Ах, Ярославна, Ярославна...
Минуя суетность, тщету,
Идешь ты с вечностью на равных,
Судьбы означив высоту.
В далеком времени и близком,
Без спора на смерть и живот.
Ты – это жены декабристов.
Ты – это все, кто верно ждет.
Но...

В этом «но» есть обреченность
На пустоту и бесприют –
«Автомобильные» девчонки
Тебя сегодня предают.
Тебя – в себе.

Потом жалеют.

Ну а пока – стыд за порог,
Наводят грим, ресницы клеят.
Шик-блеск.

Собой беспечный торг.
Чтоб через край да прямо в бездну,
Пресытив тело и глаза.
Запаздывая, грянет трезвость,
Как очищения гроза.
И прояснятся дали в главном,
Но отдалится горизонт,
Где свято имя Ярославны
И свет любви – не на сезон.

Нам дано с младенчества
Извлекать урок –
Вещие бубенчики
Через жизнь-порог.
Зазвенит один – крепись,
Губу не кусай:
Перевернутая высь,
Незавидный рай,
Жаркий адовый озноб,
Чернота в глазах –
Света белого потоп.
Крах.
Зазвенит другой – готовь
Самовар да чай,
Припожалует любовь –
Выходи-встречай,
Через боль переведи,
Как через рассвет.
Расставанье впереди –
В прошлое билет.
Случай или же судьба.
Испытанье сил:
Победить в себе раба
Обретеньем крыл,
Воспарить душою над
Радостью, бедой.
Боль – Любовь – единый ряд
Радуги земной.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Ночью синей и глубокой
В небе месяц волоокий
Вдруг закрыл глаза.

Темнота жестокой кистью
Красит желтых окон листья,
На душе – гроза.

Час недремлющего вора –
Ах, надежны ли запоры,
Крепка ли стена?

Тяжек сон тех, кто внакладе,
У кого сундук украден,
У кого – жена.

Здесь – потери, там – потери.
С петель сорванные двери,
Боль проходит сквозь.

И растет желанье мести:
Кто вчера смеялись вместе,
Пусть поплачут врозь.

Приоткрой же очи, месяц!..

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

Придет – покой губя.
И ты, как хитрый тать,
Крадешься от себя, –
Дрожь в сердце не унять.

Крадешься в мир иной,
Где радости острей,
И воля, и покой
На жертвенном костре.

Блажь это или страсть?
Паденье или взлет?
Любовь способна красть,
Но никогда не врет.

НОЧЬ И ДЕНЬ

Ночь – хранительница бдений.
Ночь – свидетельница грез,
Томных вздохов, скрытых слез
И нескрытых наслаждений.

Целомудрия покров,
Обнаженную порочность,
Иронично выгнув бровь,
Созерцает месяц сочный.

Дали высветлит рассвет –
Бровь истает, растворится.
День сравнивает "да" и "нет",
Обелит лицо блудницы.

А кому дано судить?
Грех изыщет оправданье.
Или жить на выдыханье,
Если нет своей судьбы?

Смяты жесткие печати
Старых дев – душой старух.
Благодатен миг зачатия -
Торжествует жизни дух.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

«Дождик, дождик, пуще!»

Дождь при солнце, счастливый дождь.
Капли-ниточки. Нежность. Звонкость.
Первой страсти святую дрожь
Прячет в сердце своем девчонка.
Колокольчатый жаркий смех –
Рвется тайна ее наружу.
Осужденье – великий грех.
Дождик. Дождик тревожит душу.
Он по солнцу идет, поет,
Из лазури, а не из тучи.
Капли сладкие. Капли – мед.
Что на свете бывает лучше!
В нем беспечность и чистота...
Этот дождик, прозрачно-синий,
Мне припомнился неспроста
В пору долгих осенних ливней.

Снег скрипит,
Скрипит, как будто всхлипы
Женщины,
Обиженной любимым.
Боль обиды
Жарко к сердцу липнет.
А глаза –
Две голубые льдины.

Одиноко.
Холодно на свете
Женщине,
Оставленной любимым.
Лучшего среди других
Не встретить.
Почему? –
Вопрос необъяснимый.

Не понять,
Как сердце выбирает
Навсегда
Единственного в мире...
Вдруг метель дороги замечает,
Разыгравшись
В неоглядной шири.

Может,
Будут и другие руки,
Может,
Будут и слова другие.
А в глазах,
Как стылый след разлуки,
Не растают льдинки голубые.

ПОЭТУ

Я знаю: быть тебе с другой,
Ее постель – твое забвенье:
Предавшись радости земной,
Заспишь свое стихотворенье –
Дитя, которому судить
По совести мир этот бренный,
Дитя, которому любить
Все тот же мир – веленье генов.
Так быть. И праотцы его
Непоправимо ошибались.
Простая юбка – божество,
Во имя юбки отрекались
От всех других богов. Свой крест
Несли блаженно, ослепленно,
Забыв, что Муза средь невест
Единственно годилась в жены...

Отринув дней живую суету,
Я ухожу порою в пустоту.
Предполагая, что готовит завтра,
Тасую карты прошлого азартно:
Авось, в раскладке старого найду,
В чем проигрыш, кем ставка моя бита,
Кто завещал мне новые обиды,
Кто напророчил радость, кто – беду.

Тузы, валеты, пиковые дамы,
И хлопоты пустые, и обманы,
И жесты благородных королей,
Метанье духа между двух огней:
Какой – сильнее, а какой – добрее.
Но выходило: сердце – на распыл,
А ты уже тогда меня любил:
Чем ближе к нашей встрече, тем вернее.

Так почему же тянет пустота? –
Иль ты теперь не тот, иль я – не та...

В твоих словах — тоска,
В твоих глазах — тоска,
Как черный флаг души,
Истерзанной, но доброй.
Ужель беда твоя, как дуло у виска? —
И отводить его,
Хоть пробуй, хоть не пробуй.
О, если б силу мне,
О, если б волю мне,
Я обовью тебя
Тревожными руками:
И сразу прочь печаль.
Как снега по весне.
Согреется душа,
Как поле под лучами.
Не я с тобой иду,
И не моя рука
Тебе опора на стезе неторной.
Вот потому тоска,
В твоих глазах тоска,
Как черный флаг души,
Истерзанной, но доброй.

ДВА ДОЖДЯ

Дождь.
Шепчется с листвою дождь,
Уставшей под июльским зноем.
Дождь в чем-то на врача похож,
Когда целительной рукою
Тот прикасается ко лбу,
Считает токи на запястье...
Безоговорочно судьбу
Мы подчиняем доброй власти.
Дождь урожайный.
Дождь грибной.
Дождь – утоление долгой жажды,
Мы были счастливы с тобой –
Вот под таким дождем однажды.
Совсем другой - сентябрьский дождь,
Капризно сеет днем и ночью,
И пробирает душу дрожь
Под стоны жести водосточной.
Уже засолены грибы,
В подполье сыпана картошка,
Затихли звуки молотьбы,
Закрыто накрепко окошко.
Возврата нет в июльский зной,
Когда врачует дождь грибной.

Я тебя приучаю, я тебя приучаю
К ласке, к тихому слову, к теплу.
А когда все не в толк, посылаю, отчаясь,
Ядовитых упреков стрелу.
И сама задыхаюсь от боли, от плача:
Ах, за что я тебя! Ах, зачем? –
Ты живешь, как сквозняк, –
и не можешь иначе,
При закрытых дверях угасаешь совсем.

Звонок междугородний –
Дробь радости в стекло,
– Ты ждешь меня сегодня?
Алло! Алло! Алло?
Готов обратный поезд,
Горит зеленый свет.
Нам невозможно порознь.
Ты ждешь меня иль нет?
– Уже леплю пельмени.
Ты за порог – я жду.
А поезд не отменят?
– Тогда пешком приду!

ПОД ВЕЧЕР

Давай под вечер сядем рядом,
Чтоб пошептаться ни о чем.
Пусть в нашу пору листопада,
Как прежде, радость бьет ключом.
– Любимый.
– Ты моя любимая.
– Родной мой.
– Ты еще родней.
Пора осенняя недлинная,
И ночи тень таится в ней.
Пусть не для нас весною солнышко
Зальется новью у окна.
Мы нынче пьем любовь до донышка
Из кубка счастья, что без дна.

Убери календарь,
Занавесь зеркала.
Мой веселый январь
Закусил удила
И пошел круто вспять.
Крепче, крепче держись.
Дни иль годы считать?
Мерить радостью жизнь? –
Если выйдет судьба
До конца быть вдвоем...
Пусть в глазах у тебя –
Отражение мое,
И тревога, и грусть,
И счастливый покой.
Я проснусь – погляжусь:
Я любима тобой.

В моей душе растет тоска,
Как облако осеннее,
А сквозь него – лучей оскал:
Последнее... Последнее...
Весна не распахнет мне дверь
На поле пестроцветное.
Ах, что целуешь ты теперь
Мне губы безответные.
Очарованье дней былых
Растаяло, рассеялось.
В глазах, когда-то голубых, –
Поблекшее, осеннее.
Но ты води меня к огню,
Быть может, и воспряну я.
Тебя ни в чем я не виню,
А только дни багряные,
Опальный лист над головой –
Кружит конца пророчество.
Ты у огня побудь со мной:
Боюсь я одиночества.

Ворвись в мою келью посланцем апреля,
Навстречу надежда улыбкой вспорхнет,
И на непросохшей от слез акварели
Означится мысли весенний полет.

Подарки судьбы удивительно редки,
Твой путь до меня несказанно тернист.
На окоченевшей тонюсенькой ветке
Завис одиноко пылающий лист.

На песке – счастливый дом,
По-над крышей дальний гром,
Все окошки нараспашку.
В этом доме день вчерашний
С днем сегодняшним живут,
Пьют одну хмельную чашу,
Тайну свято стерегут.
А она все рвется вон
Из распахнутых окон
То наивной светлой песней,
То грустинкой неуместной,
То ныряет в теплый смех,
Полагаясь на успех.
А когда хандра накатит,
Нянчит глупое дитяте –
Несодеянный мной грех.

Угорела! Угорела!
Спелой ягоды не ела –
Лишь склонялась над грядой
И вдыхала дух хмельной –
Заморочила себя.
А вчера кляла: «Судьба!»

Ягодой тяжелый куст,
Не дразни горячих уст –
Я оскомины боюсь...

Кого любить, чего бояться,
Какую нить вести сначала,
Какие могут оборваться? –
Ах, если б знала,
Какая радость сердце гложет,
Какая боль питает силы,
Чтоб день ненастный стал погожим?
И я любила
Приволье неба, туч круженье,
Банальность чопорных соседок,
Тебя – желанное мученье
Мне напоследок.

Печалью печати –
Имя твое на губах,
Оно одичало
Бунтует в беззвездных ночах
И рвется из плена,
Хозяина ищет во тьме.
Безмолвствуют стены.
И сладко, и горестно мне.

Я спасаюсь от тебя стихами.
Ах, как сладко боль моя болит.
Высоко над песней-облаками
Тайна тихим лебедем парит.
Места нет для отдыха-посадок.
Пусть летит, любовь мою храня.
Кто достанет стрелами догадок,
Тот убьет не лебедя – меня.

Нездешний мой сон:
Два крыла – два огня
Сквозь смех и сквозь стон
Выносят меня
Из нынешних дней
Ближе к юной заре.
О, время! Не вей
Мне венок в декабре
Из майских цветов –
Не к лицу мне они.
Я не из святош,
Я скорее сродни
Веселому ветру,
Скользящим лучам.
Но майского цвету
Не сыпь мне к ногам,
Лишь радости вешней
Преддверье раскрой,
Во сне я безгрешно
Целуюсь с зарей.

Нетрудно в круг вписать квадрат,
Означив точное касанье.
Ты не любовник мне, не брат,
Не враг, не друг. Ты – ожиданье,
Ты – вдохновенье, ты – мой свет,
Предтеча всех моих желаний.
Круг предназначенных побед
Разламывают эти грани.

Я лечу к тебе на одном крыле.
А другое, подбитое, волоком
По пыли влачу, по сырой земле
Под небесным дырявым пологом.
Неудачница я. Отступница.
И беда за бедой, словно дробь рой.
Из-за тучи Мать-заступница
Крестит путь, уготованный мне одной.

Я не предам любви, не бойся,
И в самом главном не солгу.
Есть у алмаза чудо-свойство
Искриться сквозь сырую мглу
И разрезать любые тверди
Касаньем точным – не на глаз.
Поробуй искренне поверить:
Мой любовь к тебе – алмаз.

РЫЖИЙ ПРЕДОК

Глубь – нырнешь, да не увидишь дна,
Ширь размыла берегов угорье, –
Белоруко вскинулась Двина,
Обласкала землю Беломорья.
Молодой помор – огонь душа,
Борода от солнца покрасилась –
Карбас гнал, веслом волну круша:
Разыгралась удалая сила,
Свежею вспоенная водой,
Сладкою вскормленная свободой,
Хоть летела слава: век – худой,
Век – голодный, с вечным недородом.
Век худой, – подхватывал помор, –
Да рука, трудясь, не знает страха.
Шел на веслах, надо – брал багор,
Пот черничил красную рубаху.
Век худой, да сам-то не ленись,
В сети рыбу загоняй на ужин,
Век худой, да благодатна жизнь
Для того, кто ей по чести служит.
Век – худой. Сам царь из кожи вон,
Чтобы только Русь обогатилась.
Судоверфь – судьба его и трон,
Судоверфь – судьба Руси и сила.
По Двине с верхов до моря вниз
Новая наметилась дорога.
И помор в рубахе нарасхрист
Стал царю опорой и подмогой.

Море знал. По звездам находил
Верный путь до нового причала
Рыжий предок, в общем – нелюдим,
Но помощник новому началу.
Худовеков сын – так прозван был
Он за то, что выдюжил – не выжил
На излучье вековой судьбы...
Ты – в него: крутой, прямой и рыжий.

2.

Архангельск деревянный. Крыши в ряд,
Как лодки, что оставлены вверх днищем.
А там, где звезд тускнеющий распад,
Прожектор что-то осторожно ищет.
Доверившись его ночным глазам,
Все жители спокойны.
И в кровати
Веснушчатый мальчишка «сам с усам»,
Раскинувшись, причмокивает сладко.
И вдруг сирены иступленный вой,
В нем – страх за город, за того мальчонку:
Шел, приближаясь, самолетов рой,
Как предвещанье смерти, обреченность.
Хотели жалом огненных рапир
Сразить тот город, сжечь людей безвинных,
Слетались, как стервятники на пир,
Громадой стаи облака раздвинув.
Распахивая страшные «брюха»,
Ссыпали бомбы, зажигалок угли.
И вспыхивали крыши, как труха,
Тонула тишина в зловещем гуле.
То там, то тут вскипали голоса
И детский плач сверлом впивался в уши.
Мальчишку, голосившего: «Я сам!» –
В подвал ближайший волокла старушка.
Детей спасали, о себе забыв
И смерти не боясь, не то, что риска...
Вздымались к небу пламени столбы,
Рассеивая фейерверком искры.
Огонь врагу оружием служил,
Набрасываясь яро на постройки,
Намереваясь поглотить живых,

Но натолкнулся на людскую стойкость.
Ломы, брандспойты, ведра и багры –
Все в ход пошло. И пламя спасовало.
Упало разом, землю обагрив,
И зазмеилось, выпуская жала.
Со смертью каждый был наедине,
Но вместе победили смерть.
И здесь он
Остался жить, на Северной Двине,
Архангельск – город смоляного леса.
Как прежде, в порт его спешат суда,
Заморская на набережной обувь...
Итожит время прошлые года,
Сорок второй в них выделив особо.
Он в памяти, как яркое клеймо,
Оставленное огненной ночью.
И мечется во сне любимый мой,
Пожар войны увидевший воочью.
Старушки, жаль, давно на свете нет,
Всей жизнью ей обязан мой любимый.
Та ночь ему мерещится с трех лет –
Огонь в огне и едкий полог дыма.
Такого нет и в дантовых кругах
Для грешников придуманного ада...
Огонь – беда.
Но в добрых он руках
Совсем другое: свет, тепло и радость.
И Вечный Огонь – Победы торжество.
Все краски, по сравнению с ним, бледнее.
...НЕТ В МИРЕ НИЧЕГО ОГНЯ СТРАШНЕЕ
ПРЕКРАСНЕЕ НЕТ В МИРЕ НИЧЕГО.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛОРЕЦК – НЕБРОСКИЙ САМОЦВЕТ

«Гляжу в иллюминатор самолета...»	- 4
«Во времена Великого Петра...»	- 5
«Струится речка, извиваясь резво...»	- 6
РЕЧКА БЕЛАЯ	- 7
«Ничто не разлучит меня с тобою...»	- 8
ИЮНЬ	- 9
СОНЕТ ХЛЕБУ	- 10
ИВАНОВ ДЕНЬ	- 11
«Мой старый дом с цветами в палисаде...»	- 12
БАЛЛАДА ОБ ИМЕНИ	- 13
ЧАЙ	- 16
НА ПОКОСЕ	- 18
ВОЛЬНЫЕ ОКТАВЫ	- 19
РЫЖАЯ ЛИСА	- 20

РОССИЯ - КРАЙ БЕРЕЗОВОГО СВЕТА

РОССИЯ	- 21
ХЛЕБОСОЛЬСТВО	- 22
СВЯТКИ	- 23
МАСЛЕНИЦА	- 24
ПОЖЕЛАНИЕ БЛИЖНЕМУ	- 27
НАКАЗ	- 28
«Тихой странницей, послушницей...»	- 29
ЧУДО РУССКОЙ СТОРОНЫ	- 30

ЖИЗНЬЮ ПРАВИТ НАДЕЖДА

СОТВОРЕНИЕ	- 31
ВОСХОЖДЕНИЕ	- 32
«Я пушу свое колечко по юдоли вековой...»	- 33
ЭХО ГЛАСНОСТИ	- 34
«Правда, матушка Правда!..»	- 35
ВЕЧНОЕ КОЛЕСО	- 37
ЖИЗНЬЮ ПРАВИТ НАДЕЖДА	- 39
ИЗВЕРИВШЕМУСЯ В ЖИЗНИ	- 41
ФЛЮГЕР	- 42

ДАЙ ДОТРОНУТЬСЯ ДО ТЕБЯ, УДАЧА!

Золотое перо – не мое...	- 43
МОЛИТВА	- 44
«Жаль: я ничуть не Маргарита...»	- 45
«Дай дотронусь до тебя, удача!..»	- 46
ПЕРЕПРАВА	- 47
«Я доверяю. В ответ мне – обман...»	- 48
НАСТРОЕНИЕ	- 49
ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «ЧЕРНОГО ВОРОНА»	- 50
Я БАЛАНСИРУЮ НА ПРОВОДЕ	- 51
«Где фантастика? Где реальность?..»	- 52

БОЛЬ – ЛЮБОВЬ – ЕДИНЫЙ РЯД РАДУГИ ЗЕМНОЙ

- «Хрустят рубли – поет душа...» - 53
«С времен Адама так заведено...» - 54
«Ах, рыцари! – Серебряные латы...» - 55
МОЛОДИЦА - 56
«Барыня-сударыня...» - 57
«Ах, Ярославна, Ярославна...» - 58
«Нам дано с младенчества...» - 59
ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ - 60
ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ - 61
НОЧЬ И ДЕНЬ - 62
СЛЕПОЙ ДОЖДЬ - 63
«Снег скрипит, скрипит, как будто всхлипы...» - 64
ПОЭТУ - 65
«Отринув дней живую суету...» - 66
«В твоих словах – тоска...» - 67
ДВА ДОЖДЯ - 68
«Я тебя приручаю, я тебя приручаю...» - 69
«Звонок междугородний...» - 70
ПОД ВЕЧЕР - 71
«Убери календарь, занавесь зеркала...» - 72
«В моей душе растет тоска...» - 73
«Ворвись в мою келью посланцем апреля...» - 74
«На песке – счастливый дом...» - 75
«Угорела! Угорела!...» - 76
«Кого любить, чего бояться...» - 77
«Печалью печати...» - 78
«Я спасаюсь от тебя стихами...» - 79
«Нездешний мой сон...» - 80
«Нетрудно в круг вписать квадрат...» - 81
«Я лечу к тебе на одном крыле...» - 82
«Я не предаю любви, не бойся...» - 83
РЫЖИЙ ПРЕДОК - 84
БАЛЛАДА ОБ ОГНЕ - 86

- ЖИВУ ЛЮБОВЬЮ -

НИНА ЗИМИНА

поэтесса

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Уфа
1991 год.